

ЮЛИЯ РЕЗНИК

ДЕВОЧКА ИЗ СНОВ

Юлия Резник
Девочка из снов
Серия «Тени», книга 5

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67912700
Девочка из снов:*

Аннотация

Ису Кутаева жизнь никогда не баловала. Детдом, армия, горячие точки... Светлым пятном в этом аду была лишь она... Девочка из снов. Решив во что бы то ни стало ее отыскать, Иса возвращается в места, где прошло его детство. Но оказывается в эпицентре чужих тайн, опасности и... любви. Любви, право на которую ему, похоже, придётся выгрызть зубами.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	14
Глава 3	25
Глава 4	35
Глава 5	46
Глава 6	56
Глава 7	66
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Юлия Резник

Девочка из снов

Глава 1

Иса

– Шакал! Недоношенный ублюдок!

Удары сыплются один за другим. Боль взрывается в теле алыми всполохами. Я с такой силой стискиваю зубы, что еще немного, и те раскрошатся. Похер. Я не доставлю им удовольствия криком. В конце концов, ничего нового не происходит. Меня часто бьют. Я привык к боли и постоянному унижению.

Первый удар приходится в голову. А следом второй – под дых. Инстинктивно сгибаюсь. Костя Бульдозер пинком под зад отправляет меня на липкий воняющий хлоркой пол. Фома бьет по почкам. Эти шакалы всегда нападают стаяей. Я группируюсь, сжимаюсь в позу эмбриона, чтобы защитить внутренние органы, а руками с никогда не заживающими костяшками обхватываю голову. Плохо, что не устоял. Так гораздо больше шансов быть забитым насмерть. Если кто-то из мелких, проснувшихся, чтобы сходить в туалет, не подни-

мет шум. Вся надежда на них. А пока, кажется, мне конец. Страх ползет по избитому телу и оплетается вокруг горла. Я пытаюсь себя убедить потерпеть. Скоро все непременно закончится... Ненадолго, конечно. До следующего раза. Но все же.

На несколько секунд я теряю сознание. Прихожу в себя, потому что кто-то бьет меня по щекам. Влажным и липким от заливающей их крови. Кажется, я рассек голову о батарею.

– Что-то ты быстро сегодня отъехал! – ржет Бульдозер и снова бьет в живот. Успеваю поставить блок. Руку прошивает боль. И, кажется, я слышу, как хрустят мои кости. С губ срывается тихий стон.

– Ты гля! – ощеривается тот. – Как баба на хую стонет. Ты часом не пидор, а? Ну, чего молчишь, урод? Язык проглотил?

Удар. И еще удар. И снова... Их четверо. Или пятеро. И даже будь я покрепче, хрен бы от них отбился. Драки в детских домах – явление нередкое. Но так регулярно выхватываю я один. Почему? Потому что самый мелкий и слабый. Хотя мне скоро исполнится пятнадцать. И по возрасту я даже старше многих из этой шайки.

– Проверь! – кто-то из скинов заливается шакальим смехом.

– А что? Можно и проверить. Ну-ка снимайте с него портки!

Чьи-то руки ложатся на поясницу, оттягивают вниз резин-

ку изношенных трусов. И только тогда до меня доходит...

– Руки убрал! – сиплю я. К горлу подкатывает истерика. Перед глазами мелькают серые точки. Я бы, наверное, потерял сознание, если бы не опасался того, что за этим последует.

– Ну, че, урод, ты педик?

– А ты, че, Фома, хочешь ему присунуть?

– А что? Дырка – она и в Африке дырка, – смеется тот.

Я не знаю, откуда берутся силы. Наверное, меня подхлестывает страх. Липкий тянущий ужас. Кулак взмывает вверх и со всей дури врежется в круглую как блин морду Бульдозера. Это тоже ошибка. За столько лет я должен был уяснить, что в таких ситуациях лучше не рыпаться. Но как? Мысль о том, что они задумали, доводит меня до безумия. И пусть они меня лучше убьют, чем...

– Су-у-ка. – Бульдозер трясет головой. А дальше... Дальше только боль. Я своего добился.

Вскидываюсь на разложенном кресле. Дышу. Пот льется по спине градом, выступает на висках. Сердце колотится, как ненормальное. Заходится в груди. Удивительно. С той поры прошло несколько лет. Позади осталась служба, за время которой я каких только ни видел ужасов, но вот ведь какая штука – в кошмарах ко мне все равно приходит та самая ночь в детдоме.

Трясу головой. Вместе с липким потом стираю с лица обрывки сна. Дерьмо... Может, стоит обратиться к психологу.

Тем более что мне больше не нужно обманывать медкомиссию на предмет моих крепких нервов. Я не боюсь остаться без работы. Но... я опасаясь, что вместе с этим кошмаром мне перестанет сниться... она. Та, которая каждый раз меня от него спасает.

Мне нечем дышать. Жму на стеклоподъемник. В душный салон полноприводного Джипа врывается по-зимнему морозный воздух. А ведь на дворе середина весны. Тяну вниз язычок спального. Надо отлить. Да осмотреться. Я ведь для этого приехал сюда аж на два дня раньше нужного срока.

Извиваясь, как червяк, стягиваю спальный мешок и выхожу из машины, которую спрятал в глухом подлеске. Холодный ветерок обдаёт покрытую испариной кожу, и я ежусь, несмотря на закалку. Делаю свои дела. Застегиваю наглухо куртку и выхожу на большую поляну, с которой открывается невероятный вид на скалистые пики одних из самых высоких в округе гор. Точнее, их бы было видно, если бы не густой, как кисель, туман.

На многие километры вокруг – никого. Только первозданная природа заповедного края. Полагаю, где-то тут моя родина. Другой вопрос – на кой я сюда приехал спустя столько лет?

Возвращаюсь в машину. Завожу мотор. И пока тот прогревается, вспоминаю, как все начиналось...

– Какого хрена, Иса? Зачем тебе в эту глушь? – хмурится Первый.

– Теней один черт расформировали, – пожимаю плечами.

Под началом Первого я отслужил десять лет. В одной из самых засекреченных и элитных групп спецназа. А потом... Потом нас и впрямь расформировали. И, конечно, это становится неожиданностью для каждого члена группы. Но парни как-то справляются. Им есть на что переключиться. И только у меня, кажется, земля уходит из-под ног.

Тени не просто мои братья по оружию. Они – моя семья. Единственная семья, которую я когда-либо знал. И вот теперь, похоже, лишился.

– Ну и что? Я найду тебе место в конторе, – хмурится Богданов¹.

– Я – снайпер, командир. Это все, что я умею.

– Значит, войдешь в другую группу... Тоже мне нашел проблему.

– Нет. Я все для себя решил. Если не можешь помочь мне с работой на месте – просто подпиши рапорт, – отбрасываю в сторону политес.

– Ну, и упрямый же ты осел.

– Осторожно, я еще и злопамятный, – обнажаю зубы в улыбке. Теперь гадай, командир, шучу я или...

– Посмотрю, куда тебя можно пристроить, – бурчит Демьян. В ответ я киваю и ухожу, не смея больше задерживать важного человека, которым он теперь стал.

---

¹ Богданов – История Демьяна Богданова – 1 книга цикла «Тени» – «Первый». Её можно прочитать бесплатно.

Возвращаюсь домой. В крохотную однушку в недавно выгнанном муравейнике на окраине города. Укладываюсь на матрац, брошенный прямо на пол. По потолку контурной картой растекаются давно изученные мною трещины. В незанавешенное окно бьет голая озябшая ветка. Мужики крутят у виска, когда им доводится здесь бывать. В их картинке мира не укладывается, как можно жить так аскетично. Особенно, когда твои доходы вполне позволяют не экономить. Теням не объяснить, что мне и того, что есть, вполне достаточно. Кривого-косого ремонта от застройщика, матраса вместо кровати и турника, который я сам прикрутил в дверном проеме единственной комнаты. После многочасовых лежек в засаде даже такой сомнительный комфорт мне кажется настоящим подарком.

Проходит три дня, прежде чем от Первого появляются какие-то новости.

– Чего? – туплю я, разглядывая бумажки. – Ты серьезно предлагаешь мне возглавить отдел охраны гребаного запоевника?

– А что тебя в этом смущает?

– Чем я там буду заниматься? Это же даже не ведомственная история. Им хоть оружие-то выдают?

– Кто о чем, а вшивый о бане, – закатывает глаза Демьян.

– Ну, а как иначе?

– Будет тебе оружие. Ты ж не думаешь, что они на браконьеров с голыми руками ходят? И хоть эта история действи-

тельно не имеет отношения к силовым органам, зато благодаря ей ты можешь быть в гуще событий, не привлекая к себе внимания. – Первый смотрит на меня с намеком. Я сощуриваюсь от неприятной догадки, что непыльная работенка в заповеднике будет лишь прикрытием для какой-то другой, более серьезной работы. Впрочем, я догадывался, что никто меня просто так не отпустит. Бывших разведчиков не бывает. Это известно всем. Понять бы еще, каким боком заповедник к разведке. Пока сложно представить, чем я могу быть полезен родной конторе, находясь там.

– Живет в тех краях один интересный мужик. Акай Теめкай. Дал же бог имечко. – Киваю. Потому как Теめкай – личность довольно известная. Даже здесь, в столице. Такому, как я, далекому от бизнеса человеку. – Так вот, этот Теめкай вконец оборзел. Подмял под себя ментов, природоохранную прокуратуру. Можно сказать, построил в государстве отдельное государство, установив в нем свои порядки. Наверху выразили на этот счет беспокойство.

– Ну, а от меня что требуется?

– Нужно понять, с чем мы доподлинно имеем дело. Изучить ситуацию изнутри.

– Я могу отказаться от задания?

– А ты хочешь?

Демьян вздергивает бровь. Я, не сдержавшись, фыркаю. Он слишком хорошо меня знает. Без реального дела я заскучаю очень и очень скоро. Поэтому...

– Что от меня требуется? – повторяю я свой вопрос.

– Осмотреться в округе. Послушать, что местные говорят. Ну, и к Темекаю, конечно, присмотреться. Он своих не чурается. А с руководством заповедника вообще поддерживает тесный контакт. Может, нароешь чего. Вот все, что у нас на него имеется, – в руки мне перекачëвывает флешка. – А тут – твои корочки.

Несколько следующих дней меня в подробностях ин- структурируют. А потом я отправляюсь в дорогу, на которую уходит еще трое суток. Конечно, проще было бы добраться на самолете. Но я предпочитаю передвигаться по земле. Джип хоть с виду и неказистый, зато с секретом. Проходи- мость у него как раз для этой непроходимой, в общем-то, местности.

Удивительно, меня не было здесь столько лет, а сердце все равно заходится, стоит только приблизиться к этим горам. И кажется, будто ты лично знаком с каждой величественной вершиной... С каждой птицей, былинкой и кочкой. Память предков – сильная штука, что ни говори.

Разменяв четвертый десяток, я за каким-то чертом решил отыскать мать... Ту, что подбросила меня под дверь роддо- ма. На кой оно мне? Не знаю. Может, просто хочется взгля- нуть ей в глаза.

Плавню жму на газ и медленно-медленно выезжаю из леса. Нормальных дорог здесь нет, нет даже грунтовки. Поэтому я едва плетусь.

Постепенно туман развеивается. Я притормаживаю и снова выхожу из машины. На этот раз с биноклем. Я встречал сотни, тысячи рассветов в разных точках планеты, мне есть с чем сравнивать, но то, что я вижу сейчас, красиво так, что перехватывает дыхание. Я поднимаюсь чуть выше. Отсюда прекрасно виден зажатый в низине между озером и горами поселок, в котором мне предстоит жить. Залитый розовым утренним светом, он выглядит точно открытка. Здесь теплей, чем в высокогорье, но не так, как у подножия. Один черт скидываю капюшон. Веду биноклем. Наблюдаю за птицей, чистящей перья, смещаюсь и натыкаюсь взглядом на тонкую женскую фигуру. Навожу резкость. Она идет вдоль бурной горной реки и что-то собирает в корзину. Похоже, какие-то растения. Так-так. Уж не краснокнижные ли? Усмехаюсь, представив, что вот с таким мне теперь, похоже, придется бороться. Опускаю бинокль, чтобы рассмотреть, что же это, получше. И в этот момент женщина, будто почувствовав мой взгляд, резко вскидывается... И меня будто отшвыривает в сторону. Серьезно. Я даже шаг назад делаю, чтобы устоять. Мозг не случайно воспринимает случившееся, как угрозу. Я весь ошестиниваюсь, готовый... то ли броситься в бой, то ли завилать несуществующим хвостом. Удивительное ощущение. Какого черта?

Чуть успокоившись, снова подношу бинокль к глазам. Она не может знать, что я здесь. Тогда какого черта прямо на меня смотрит? И почему этот взгляд, вливаясь в меня че-

рез линзы, растекается по телу странным незнакомым мне жаром?

Возвращаюсь в машину и трогаюсь. Сам не знаю, какого черта творю. Хочу ее увидеть. Скорее. Не через бинокль. А так... Хочу понять, что за дерьмо со мной происходит. И такая ли она красивая на самом деле.

Она наблюдает за моим приближением, приложив ладонь ко лбу. Бросаю свой Джип в нескольких десятках метров. Спрыгиваю на роскошный разноцветный ковер. В лугах весна развернулась во всем своем великолепии. Но даже весна не такая красивая, как застывшая у реки женщина.

– Замри, – шелестит то ли она, то ли ветер. Я останавливаюсь, нахмутив брови. Но не найдя ни единой причины оставаться от нее в стороне, возобновляю движение. И тут до меня доносится рычание.

Я не знаю, за кем мне следить теперь. За косолапым, выпрямившимся во весь рост, или за женщиной, которая, что-то ласково нашептывая, плавно двинулась ему наперерез. Успокаивая... меня? Или его? Что же эта дурочка делает?

Я отмираю. Резко толкаю ее себе за спину. И в тот же миг пропускаю ощутимый удар в плечо.

Глава 2

Сана

Дурак! Ой, дура-а-ак. Решил, что мне жизнь спасает? Сжимаю кулаки и ору... Во всю глотку, как банши. Теперь это единственный способ отогнать медведя. Еще совсем юного и глупого. Его взрослые сородичи обычно стараются держаться в стороне от людей, а этого, похоже, к нам привело любопытство.

– Все-все. Он ушел. Не кричи.

Его голос я слышу совсем рядом. Дергаюсь. И тону на дне черных потусторонних глаз. Телом проходит волна озноба. Чувствую себя так, словно меня окунули в студеновую реку, а после выволокли на мороз. Кожа покрывается мурашками. Я жадно хватаю ртом воздух. В меня проникает аромат его туалетной воды, свежести и стирального порошка. Смешиваясь с металлическим запахом крови, этот коктейль бьет мне прямо в голову. Я отступаю. Он делает шаг навстречу. Теперь его лицо так близко, что я отчетливо вижу, как, затягивая меня в свой космос, расширяются его зрачки. И крылья тонкого носа трепещут.

– Здесь нельзя разгуливать вот так, – сиплю я, чтобы ска-

зять хоть что-то.

– Да уж. Я в курсе. А ты почему разгуливаешь?

Потому что мне нечего терять?

Оглядываюсь на корзину, которую отбросила в сторону. Наклоняюсь, чтобы вернуть обратно рассыпавшиеся соцветия. На сырую, напитанную талым снегом землю капают бурые вязкие, как ртуть, капли.

– Тебе нужно обработать рану.

Не знаю, почему мы сразу переходим на ты. Может быть, потому что оба ощущаем это странное, необъяснимое притяжение.

– У меня в машине аптечка, – тихо замечает он и осторожно неповрежденной рукой зажимает рану. Кровь тут же просачивается через одежду, пачкая его пальцы.

– Возможно, придется наложить пару стежков.

– И ради этого ехать в город?

Бесстрастный взгляд проходится вдоль по моему телу. Я сглатываю.

– Нет. Тут недалеко... Я покажу дорогу.

У самого Джипа протягиваю руку.

– Что? – удивляется мужчина.

– Ключи. Вряд ли в таком состоянии тебе стоит садиться за руль.

Несколько секунд он как будто колеблется. Но потом просовывает ладонь в карман джинсов и достает связку с простым металлическим брелоком. Ткань обтягивает его тело

плотней. Я резко отворачиваюсь. Распахиваю перед ним пассажирскую дверь.

– Как тебя зовут? – звучит за спиной.

– Сана. А тебя?

– Иса.

– Это что-то мусульманское? Я думала, ты буддист. Ну, или язычник, как и все местные, – замечаю я, примеряясь к сиденью. Хозяин машины не слишком высок, поэтому мне не приходится настраивать то под себя.

– Я – агностик. А вот женщина, которая дала мне имя – мусульманка.

Иса прикрывает глаза. И касается лбом прохладной стойки. Завожу мотор и кошусь на него тайком.

– Что значит «женщина, которая дала тебе имя»? Это была не мать?

– Нет. Я – подкидыш.

Неожиданно он поднимает ресницы, и наши взгляды снова встречаются. Тело прошибает ток. Какой-то очень откровенный у нас выходит разговор. Наверное, это и есть синдром попутчика. Может, и мне стоит поделиться чем-нибудь эдаким? Вдруг станет легче, а?

Наезжаю на кочку, машина подпрыгивает. Иса шипит от боли.

– Извини. – Я облизываю пересохшие губы.

Он смотрит на меня, не отрываясь. И мне вдруг становится так нестерпимо душно, что я открываю окно. Черте что.

– Ты очень красивая, знаешь?

Подкат стар, как мир. На него вообще не стоит обращать внимания. А я какого-то черта обращаю. Сильнее стискиваю в ладонях баранку. И сбавляю скорость до минимальной. В моей душе так много горечи, что я боюсь выжечь себе нутро, расплескав её на этом бездорожье.

Он не виноват. Он просто не знает, как много бед мне приносит моя красота. О, я бы многое отдала, чтобы поскорее от нее избавиться. Состариться, растолстеть, покрыться морщинами... Все, что угодно.

– Я что-то не то сказал?

– Да нет. Это священная гора, – тычу пальцем в окно, резко меняя тему. – Существует поверье, что здесь живут духи. Кстати, может быть, в образе мишки к нам явился один из них. Художественный образ медведя в местном фольклоре – персонаж неоднозначный. Он соотносится как с верхним, так и с нижним мирами. Что само по себе необычно.

– И что его появление может означать? – в черном взгляде Исы нет и тени улыбки.

– Понятия не имею, – я натужно смеюсь. – Ничего не знаю о духах.

– А мне показалось, ты разговариваешь с ними на одном языке.

Стискиваю пальцы так, что они белеют.

– Нет. Я не сумасшедшая.

А в голове эхом:

– Марья Сергеевна! У Каргиловой крыша уехала! Марья Сергеевна!

– Ну, что такое опять?

– Лешка Вавилов нечаянно попал из рогатки в птицу. А у этой – того... Вот, сами посмотрите... – тараторит Машка Самойлова.

– Она ему когтями все лицо расцарапала. А теперь сидит с этой птицей в обнимку. Вся в кровищи, Марья Сергеевна! – вторит ей Лерка.

– Еще бы! Лешка ей полбашки снес. Все же меткий, а? Может, у него и правда отец – охотник?

– Да пьяница он, – возражает кто-то.

– А эта точно не в себе. Ее в психушку надо! Вы как хотите, а я не буду рядом с ней спать!

– Твою мать, что ты творишь?! – возвращая меня в реальность, кричит Иса и довольно резко выкручивает вправо руль. Бью по тормозам. Дрожащими рукамиправляю за уши упавшие на лицо пряди. Черт! Мы чуть было не сорвались с обрыва. Дорога здесь опасная и не прощает невнимательности. Чем я вообще думала, позволяя воспоминаниям взять над собой верх?

– Извини! Я... – дышу, как марафонец на финише. – Как-то непривычно за рулем чужой машины.

– Ты нас чуть не угробила.

– Извини, – повторяю громче, словно это и впрямь отменяет то, что чуть было не произошло. – Этого не повторится.

К тому же здесь уже недалеко.

Дальше едем молча. Я смотрю прямо перед собой. Он сверлит взглядом мой профиль. И это ни черта не добавляет мне выдержки. Объезжаю выступающую скалу и начинаю подниматься по ведущему на неё серпантину.

– Это что? – Иса недоуменно изгибает бровь, окидывая взглядом открывающуюся картину.

– Мой дом. Да ты выходи, не бойся.

– Я думал, мы едем в амбулаторию, – он хмурится.

– Здесь нет амбулатории. Зато есть врач, – касаюсь пальцем собственной груди. Достая из кармана ключи и, повернувшись к Исе спиной, открываю один замок, второй, третий... Кожей чувствую, что он внимательно следит за каждым моим движением.

– Ты опасаясь воров?

– Что-то вроде того.

Толкаю дверь. Захожу первой в просторный коридор и отворачиваюсь к щитку, чтобы выключить сигнализацию. Не знаю, на кой черт я ее установила. В этом нет никакого смысла. Случись что, наряд приедет в лучшем случае часа через три-четыре. А от того, кого я на самом деле боюсь, меня не спасут ни наряд, ни замки. Вообще ничто не спасет, если честно. Я очень хорошо это усвоила.

– Проходи. Раздевайся. Я пока принесу все необходимое.

Отворачиваюсь к мойке. Включаю кран и тщательно мою руки. Те до сих пор дрожат. Злюсь сама на себя за никому

не нужную впечатлительность.

– Я думал, здесь нельзя строиться.

– Почему? – оборачиваюсь. Иса стоит на фоне огромного окна, которое занимает почти всю стену.

– Разве мы не в заповеднике?

Конечно. Вон он, как на ладони. Не весь, конечно, но его довольно живописная часть.

– Да. Однако здесь есть и городские земли. Местным-то где-то нужно жить.

– А ты, надо полагать, местная?

– Можно сказать и так.

Оставляю его одного. Иду в ванную, где храню лекарства и чемоданчик с инструментарием. Я всегда хотела быть хирургом, но в этой жизни от моих желаний ровным счетом ничего не зависит.

Сгребаю все необходимое и возвращаюсь в комнату. Иса успел раздеться. Я замираю, разглядывая его совершенное тело. Скольжу взглядом по смуглой абсолютно безволосой груди, дугам ребер, идеально вылепленному прессу... В леденцовом свете, льющемся из окна, все происходящее видится нереальным. На какой-то миг меня охватывает дикий страх. Вдруг он мне просто чудится? И я все-таки сошла с ума?

– Значит, ты врач?

– Угу. Сядь, пожалуйста.

Достаю спиртовые салфетки. Осторожно касаюсь раны.

Ощупываю край. Проверяю целостность кости. Его дыхание учащается, пульс зашкаливает. От боли. Или совсем по другой причине, о которой мне совершенно не хочется думать. Но не думать почему-то не получается.

– Про меня мы все выяснили. А вот ты как здесь очутился? Турист? – интересуюсь я, выкладывая в лоток из нержавеющей стали пинцет и смоченные в спирте тампоны из ваты. Мои пальцы странным образом вибрируют. Пинцет звякает. И этот звук здорово проходит по нервам.

– Нет. Вообще-то я приехал, чтобы возглавить службу охраны здешнего заповедника.

Я замираю, так и не сделав первый стежок. Его дыхание щекочет мне шею. Я ежусь и, чтобы скрыть, как на меня это действует, откидываю голову и смеюсь.

– Я сказал что-то смешное?

– Да тебя же самого охранять надо! Ты хоть что-нибудь знаешь о жизни в здешних диких краях?

Он молчит. И смотрит на меня тем самым утаскивающим в свою глубину взглядом. Может быть, я его недооценила. Вдруг та ситуация с медведем была чем-то из ряда вон? Мой смех обрывается, будто сам собой. И почему-то становится ужасно неловко. Я осторожно соединяю пальцами кожу вокруг расплывающейся рваной раны и все же осторожно втыкаю иголку. Иса даже не вздрагивает.

Ладно... Может быть, он знает о жизни больше, чем я могла бы предположить.

– И что, все местные живут так? – Здоровой рукой он очерчивает широкий круг. Я на мгновение отвлекаюсь от того, что делаю. Окидываю взглядом комнату в попытке взглянуть на неё его глазами. Ну, да. Посмотреть есть на что. Дом у меня не слишком большой, но учитывая, каких усилий стоило возвести его здесь...

– Нет. Не все.

– Выходит, ты местная мажорка?

Я вздрагиваю. Размеренно дышу, чтобы успокоиться. Он – новый человек в этих краях. И только поэтому еще не знает, кто я. Делаю сразу несколько стежков, заканчивая работу. Ничего... Скоро его просветят. Зимы здесь темные, долгие. За неимением лучшего развлечения люди развлекаются сплетнями. Для многих здесь я – излюбленная тема. Мифов обо мне ходит столько, что можно запросто насобирать на приличного объема книгу.

– Все. Я закончила. Сейчас перевяжу, и будешь как огурчик. – Раскрываю аптечку, где когда-то хранились антибиотики. Аптеки здесь нет, а Исе уж точно следует пройти курс для перестраховки.

– Эй, я не хотел тебя обидеть.

Достаю коробочку с лекарством. Проверяю срок годности. Потому что только один бог знает, сколько она тут лежит.

– Ты не обидел.

– Сана...

Он впервые зовет меня по имени.

– Ты уже устроился на постой?

– Нет. Вообще-то я приехал чуть раньше срока.

– Так ты даже не видел свой домик?

– Нет. И с руководством не встречался.

– Ну, и куда же ты прикажешь тебя везти? – быстро пере-
вязываю ему плечо марлей.

– Я заночую в машине.

– Вот еще! Тебе следует отлежаться. Сейчас... Я попро-
бую дозвониться Кутепову.

Нерешительно верчу в руках телефон. Кутепов – это тот самый начальник заповедника. Шестерка Акая. Которому тот наверняка доложит, что я звонила. Ну, и черт с ним. Хуже будет, если не позвоню. Акай все равно узнает, что у меня были гости. Нахожу в записной книжке нужный номер и жму на звонок.

Гул вертолетных лопастей проникает даже через толстые стены дома и заглушает длинные гудки. Я сглатываю. Иса шагает к окну.

– Это что?

– Кто, – поправляю я. Старательно заталкивая панику поглубже, вновь обвожу взглядом комнату. Я не сделала ничего плохого. Салфетки в крови и разбросанный шовный, если что, это подтвердят. Так какого же черта у меня с такой силой колотится сердце?

Бегу к зеркалу. Поправляю волосы. Зачем-то разглаживаю складки на свитере.

– Сана, это кто?

Это – мой кошмар. Неотступный кошмар моей жизни.

Я просовываю ноги в тапки и, ничего не сказав, выхожу своему кошмару навстречу. Я давно уже поняла, что для психики безопасней встречаться с ним лицом к лицу. Спускаюсь с крыльца. Лопасти вздымают просто ураганный ветер. Прячу лицо на плече и упускаю тот момент, когда Акай спрыгивает на землю. В поле зрения появляются носки его ботинок, и сердце ухает куда-то в пятки. За столько лет я, наверное, должна привыкнуть к тому, как он выглядит. Но ни черта. Каждый раз – это шок. Настолько он огромный. И сильный. Как медведь. Я былинка по сравнению с ним.

– Привет.

– Привет.

– Надеюсь, я не помешал. У тебя гости...

Он кивает в сторону припаркованной машины и снова ловит мой взгляд.

– Да где там, – делаю вид, что я ужасно устала от чужого идиотизма. – Очередной любитель природы.

В черных монгольских глазах Акая мелькает смех. И я успеваю перевести дух, прежде чем он сминает меня своими огромными лапами.

– Потерялся? – рычит мне в ухо.

– Если бы. Его чуть медведь не задрал у Черной речки. Представляешь? Пришлось штопать. Ну, что мы тут стоим? Холодно... Пойдем в дом.

Глава 3

Иса

Когда? В какой, мать его, момент все выходит из-под контроля? Как это вообще возможно? Куда девается моя хваленая, выпестованная годами каторжной работы над собой выдержка? Терпение и здравый смысл? Откуда взялась эта сумасшедшая тяга? Почему меня скручивает в бараний рог одна только мысль о...

В глубине дома хлопает дверь. Я весь подбираюсь. Готовый, кажется, к чему угодно. Но не к тому, что происходит на самом деле.

Первой в комнату входит Сана. Следом за ней... Ну, да. Я мог бы и догадаться. Наверное, в этих краях не так много людей, имеющих возможность передвигаться на вертолете.

Акай Темекай собственной персоной. Я узнаю его сразу. По немногочисленным фото в сети. И еще более редким видео. На которых, теперь я это понимаю, он мало похож на себя. Фото не передают ни его настоящих размеров, ни исходящей от него ауры власти, свойственной любому по-настоящему богатому человеку.

Темекай улыбается, на секунду оскалив хищные белые

зубы с острыми, выступающими из общего ряда клыками. И касается поясницы Саны коротким, но таким, сука, гонящим жестом. Относительное спокойствие, которое мне с трудом удастся вернуть, смывает к ебням потоком раскаленной лавы. Кишки обжигает ревность. С губ срывается странный вибрирующий рык.

– Что такое? Больно? – она подходит ко мне. В огромных чуть вздернутых к вискам глазах – беспокойство. И что-то еще. Страх как будто. Сана касается пальцами моего взмокшего лба. В одну секунду успокаивая проснувшегося во мне зверя. А сделав это и тут же одернув руку, оборачивается к наблюдающему за происходящим Темекаю. – Боюсь, как бы воспаление не началось, – поясняет она... не мне. А ему за чем-то.

– Эта девочка за всех, кого латает, боится. Хотя на них потом все как на собаках заживает, – усмехается Темекай. В четыре удивительно легких для такого массивного тела шага преодолевает разделяющее нас пространство и протягивает ладонь. – Акай Темекай.

Гашу в себе желание вгрызться в его руку зубами. Смазываю алую пелену с глаз.

– Иса Кутаев.

– Уж не тот ли Кутаев, что к нам в заповедник начальником охраны сосватан?

Его ладонь горячая и сухая. Хватка обычная. Твердая, но без попытки что-то мне доказать. Наверное, такому, как Те-

мекай, ничего не нужно доказывать в принципе. Особенно людям вроде меня. В его представлении.

Ну, что ж. Тем интереснее будет сюрприз. Похоже, у меня появился дополнительный личный мотив его уничтожить.

– Он самый.

– Сана говорит, медведи тебя уже поприветствовали? – в темных монгольских глазах мелькает смех. Теめкай тюрк лишь наполовину, но эта кровь в нем берет верх. Во мне же преобладает в большей степени европейская. Намек на восток немного прослеживается разве что в разрезе глаз. Может быть, я монголоид на четверть. Или даже меньше того. Но во мне это есть. И я это чувствую. Почему-то сейчас как никогда остро.

– Было дело. Сглупил.

– Что так?

– Не поверите. Хотел нарушительницу изловить.

– Без оружия? Уж не нашу ли хозяйку, командир?

– Ну, да. Её. А оружия-то мне еще не выдали.

– Ты смотри, какой ретивый! Нам такие люди здесь во как нужны! – Акай смеется и проходится ребром ладони по горлу. – Правда, девочка?

Который раз он зовет ее девочкой. И я не знаю, почему меня это так цепляет. В конце концов, Акаю... Сколько? Если мне не изменяет память, шестьдесят два. А Сана... вряд ли есть тридцать. Для него она девочка и есть. Наверное. Красивая девочка. Которую он по своему усмотрению пользует.

ет. А за это содержит и всячески балует. Вон, какие хоромы отстроил. Тут одних коммуникаций на миллионы. Да и сам проект явно индивидуальный. Созданный, чтобы максимально вписать дом в окружающее пространство. Современный образчик безупречного вкуса и разумного подхода к потреблению.

Короче, Темекай на Сане явно не экономит. Его интерес понятен. Я не видел женщины красивей. У старого хрена отличный вкус.

Её же интерес... наверное, понятен тоже. В этом мире все продается. Всё! Я как никто другой это знаю. Но что-то в происходящем не дает мне покоя. Может быть, какие-то странные чувства, которые я безошибочно считываю на дне ее глаз, но пока не могу идентифицировать.

Нужно разобраться. Засунуть подальше непонятно откуда взявшиеся эмоции и... Разобраться. Да. Благо времени у меня сколько хочешь. Да и встреча с Темекаем произошла намного быстрее, чем я мог на это рассчитывать. Теперь, по хорошему, мне следовало бы попытаться наладить с ним более тесный контакт.

– Правда. Еще бы этот ретивый научился отличать браконьеров от порядочных граждан – цены бы ему не было. – Она улыбается сначала Темекаю, потом мне. Но я готов поспорить, что её улыбка – притворство.

– Порядочным гражданам не нужно шляться по Черной речке. Тем более одним. – Темекай хмурится, сгребает своей

лапищей ее маленькую ладошку и разворачивает к себе лицом. Они как будто забывают обо мне. Напрочь. У них происходит беззвучный диалог, о смысле которого я могу лишь догадываться. Руки под столом сжимаются в кулаки.

– Я собирала бадан на чай. Жалко, если пропадет. У меня совсем не осталось запасов.

– Поручи сбор подчиненным. Я что, им зря плачу?

– Не зря. Но ты же знаешь, я люблю это делать сама.

Темекай неожиданно поворачивается ко мне.

– Покойный дед девочки был шаманом. Местные верят, будто ей сами духи нашептывают, какую травку следует брать, а какую лучше оставить.

– Да-да. А я этот слушок самым активным образом подогреваю. Их рассказы отлично продвигают бизнес.

– Бизнес? – кошу я под дурачка.

– У меня здесь неподалеку санаторий. Девочка там – главный врач, – охотно поясняет Темекай, глядя на Сану с неприкрытой гордостью. Так родитель мог бы говорить о своем чаде. Вот только огромная лапища, которой он будто невзначай гладит её по заднице, напрочь выбивается из этой парадигмы. – А еще она делает какие-то чудодейственные кремы.

– Натуральную косметику. – Сана сводит брови.

– Нам, мужикам, один черт, как это называется, – отмахивается тот и поворачивается ко мне: – Я как рассудил, хочется девочке этим заниматься – пускай.

Он даже мил в своей дремучести. Так почему же мне хо-

чется пустить ему кровь? Нет-нет. С меня на сегодня достаточно. И так ведь предел. Как только держусь?

– Рад был познакомиться. Мне, наверное, пора.

– Но я ведь так и не дозвонилась до Кутепова! Куда же вы пойдете? Акай, – Сана касается медвежьего плеча Темекая, – может быть, ты посодействуешь? Иса говорит, что еще не был в конторе.

– Не был в конторе, а в рейде успел побывать? – зрит в корень Темекай, и в его взгляде не остается никакого веселья. Врать сейчас нельзя. Я пожимаю плечами и тут же морщусь. Боль прошивает руку и стекает по пальцам вниз.

– Хотел осмотреться без лишних глаз. Понять, куда лезу.

Темный взгляд давит. Высматривает что-то, одному ему ведомое. Да уж. Непростой человек. Очень непростой.

– Что ж... Это похвально. Ну, и как? Есть какие-то выводы по результатам осмотра?

– Акай! Человека медведь чуть не задрал... Неужели это не подождет? Ему действительно не мешало бы отлежаться.

Мне не нравится, что она говорит обо мне в третьем лице. И не нравится то, что она меня... как будто бы защищает.

– И правда. Чего это я? Пойдем. Доставлю в поселок в лучшем виде.

– Но я на машине.

– Заберешь, когда станет лучше.

У Темекая и мысли нет, что я могу возразить. Ну, что ж... Я и не возражаю. Вертолетная прогулка с местным царьком.

Да я о таком и мечтать не мог! Это же такой шанс подобраться поближе.

– Таблетки не забудьте. И да... Руку не мочить. Если поднимется температура – звоните. Если связи не будет – вызывайте по рации. Завтра приезжайте на перевязку. Или я сама к вам заскочу, после работы.

– Да ты не переживай, девочка. В деревне любая баба с радостью такого красавца перевяжет! – Акай покровительственно бьет меня горячей ладонью между лопаток, и только теперь я понимаю, что все это время сидел с голой грудью.

Тянусь к свитеру, тайком глядя на Сану. Та, никак не комментируя слов Акая, принимается убирать со стола. Сметает пропитанные моей кровью тампоны в мусор.

– Я провожу.

– Куртку накинь, – велит Текеай. – Девочка у меня хорошая, но беспечная. За ней глаз да глаз нужен.

– Здесь мой номер. Звоните, если станет хуже.

Не глядя на картонный прямоугольник, сую визитку в карман.

– Спасибо.

Что тут еще добавить? Особенно когда этот смотрит? И, кажется, только и ждет, когда я совершу какую-нибудь ошибку.

Молча выходим во двор.

– Ух ты! Какой красавец, – я снова включаю простачка. – Неужто ваш? – дергаю головой в сторону Робинсона.

– Мой-мой, – сыто улыбается Темекай.

– Неужели сами управляете?

– А то кто? Давай, запрыгивай...

Он протягивает мне наушники и начинает стандартные переговоры с диспетчером. Его толстые, как сосиски, пальцы ловко управляются с миниатюрными датчиками и кнопками. А у меня перед глазами, как он этими самыми пальцами ее... Нет. Трясу головой, отгоняя прочь эти мысли. Дышу носом. Выдыхаю ртом. Темекай занят и, к счастью, не видит, что со мной происходит. Винты приходят в движение.

– Ты ж не первый раз?

– Нет, – сиплю я и, чтобы потешить его самолюбие, добавляю: – Но на таком красавце летать не доводилось.

Еще бы. Спецназовцы передвигаются совсем на других машинах.

– Ну, тогда устрою тебе экскурсию.

– Ну, что вы... – вяло возмущаюсь я.

– Тебе реально так плохо?

– Да нет. Просто вряд ли мне по карману такие экскурсии.

Темекай залиvistо смеется. Его хищные клыки поблескивают на свету, заливающим кабину через огромные панорамные окна вертушки.

– Считай это подарком от хозяина края.

Вот оно. Он реально возомнил себя хозяином здешних земель. Без шуток. Темекай тянет на себя ручку управления. Машина отрывается от земли. Лопасты образуют легкий ура-

ган, который сминает сочную зеленую траву и невысокий кустарник. Сана стоит на крыльце, обняв себя за плечи руками.

Я ведь читал о ней. В данных на флешке её личности посвящен аж целый раздел. Есть там и фотографии. Но такие дерьмовые, что я, увидев ее живьем, не узнал. А Сан... Ну, мало ли, сколько их в этих краях водится.

Темекай сказал, что она делает какие-то кремы. Небрежно так. Снисходительно. Если бы я не знал, что это довольно большая фабрика с собственной мощной исследовательской лабораторией, то решил бы, что речь идет о каком-то домашнем кустарном производстве. Вроде тех, что обычно организывают свои бабам мужики при деньгах, чтобы хоть чем-то занять их.

Но это... Это настоящее дело. Я могу только догадываться, сколько сил на него положено. Тем более что Сана не просто взяла деньги на развитие бизнеса у богатого любовника. Она взяла их у него в долг. Под небольшой, но все-таки процент. И этот долг она практически закрыла за четыре года.

– Эй! Что застыл... Гляди, какая красота!

Я и гляжу. Это действительно невероятно красиво. Мы будто парим над скалистыми вершинами, безбрежными изумрудными лесами, бурными реками и высокими водопадами. Но гораздо любопытнее мне почему-то наблюдать за Темекаем. Он по-настоящему влюблен в свой край. Это чувствуется. Благодаря непонятно откуда взявшемуся острому приступу эмпатии я будто вижу эти земли его глазами. И

чувствую этот мир так, как чувствует его он. Это удивительно странное сбивающее с толку ощущение. От которого перехватывает дыхание.

В какой-то момент Акай опускает ручку управления, и мы начинаем довольно быстро снижаться. Мое сердце оседает в пустой желудок, кажется, еще немного, и мы к чертям разобьемся о скалы, а когда я уже готов заорать в голос от страха, Темекай делает крутой вираж, и мы снова устремляемся к небу.

– Ты сумасшедший, – шепчу я, забыв о субординации. Сдергиваю наушники. Ошалело трясущей головой. А он, вместо того, чтобы сделать мне замечание, откидывает голову и смеется.

Ч-черт. Если бы нам не нравилась одна и та же женщина, мне бы мог понравиться... он.

Сумасшедший тип. На всю голову двинутый. Глядя на такого, начинаешь верить, что возраст действительно в голове.

– Ну, что, сынок? Если хотим застать твое начальство, пора возвращаться.

Киваю. Его «сынок» теплым комом сворачивается в желудке. Меня так никто прежде не называл.

Глава 4

Сана

Это обычно случается осенью и весной. Если относиться к себе внимательней и не пропустить характерные симптомы, то ситуацию чаще всего можно довольно быстро купировать.

Сначала исчезают цвета. Не все сразу. По одному. Как огоньки на новогодней гирлянде, когда перегорает лампочка одного цвета, а следом за ней – по цепочке гаснут все остальные. Первым выключается красный, потом зеленый... Мир вокруг становится блеклым, будто выцветшим. А если не принять мер, в какой-то момент превращается в черно-белый. Такой, знаете, как кадры исторической кинохроники.

А потом приходит апатия.

– Нет, что ни говори, а здесь очень красиво. Когда Жорик купил путевку в эту дыру – я, как могла, отнекивалась. Представляешь, сюда, вместо Швейцарии! Я уж было решила, он спятил. Но тут совсем неплохо, Мариш. Вполне на уровне. Костоправ здесь хороший. А у Жорика – спина, ну, ты в курсе... Это еще из спорта. В общем, пока он на этих своих процедурах, я гуляю. Знаешь, какие тут альпийские луга? Да таких даже в Альпах нет. Клянусь. Бескрайние изу-

мрудные просторы. И все цветет – цветет. Жаль, набрать букет не разрешают. А то я бы попрактиковалась. Что, я зря курсы флористики окончила? Как, ты что, не знаешь? Я училась у самого...

Разодетая в пух и прах девица отдаляется. Голос постепенно стихает и растворяется в череде других звуков. В шорохе ветра, залиvistых трелях тетеревов и шуме горной реки, рев которой разлетается на несколько километров.

Изумрудные просторы, значит?

Устремляю взгляд вдаль. Так странно. Краски яркие, хотя еще вчера утром, собирая бадан, я с трудом отличала его почерневшие за зиму листья от только-только проклюнувшейся сочной травы.

Неужто надвигающаяся депрессия отступила? С чего вдруг? Никогда прежде со мной такого не случилось.

Кручу в руках телефон. Может, позвонить своему психиатру?

Смешно... У кого-то есть личный фитнес-тренер. У кого-то – косметолог. Или, там, мастер маникюра. А у меня – у меня свой психиатр, да. Непростой мужик, с кучей регалий. Акай очень трепетно заботится о моем здоровье. В том числе и душевном. Для меня все только самое лучшее. Растягиваю губы в невеселой улыбке.

– Сана, можно? Я стучал, но ты, похоже, не слышала.

– Конечно. Проходи... – взмахом руки я приглашаю в кабинет своего помощника. Радуюсь, что появился повод от-

срочить принятие решения. Пусть даже потом я буду жалеть.

Юрий Самойлович отчитывается о заполняемости, назначенных программах реабилитации и наших успехах. Я ожидаю, погрузившись в привычную рутину. Работа дает мне то ощущение важности собственной жизни, которого мне так недостает. Здесь меня ценят за мои знания в медицине и судят обо мне по делам. Здесь советуются со мной, ловят каждое мое слово... Здесь никому нет дела до моего прошлого. Здесь я и сама начинаю верить, что оно надо мной не властно. Здесь я чувствую себя более защищенной, чем где бы то ни было. Ощущение обманчивое. Но порой такое необходимое...

– Юр, а почему вы жене Георгия Степановича никаких процедур не назначили?

– Так она ни на что не жаловалась...

– Ну, а спа-программу мы зачем ввели в прайс? Как раз ведь на такой случай.

– Извини. Похоже, я недосмотрел.

– Ты не виноват, что мы никак не раскрутим это направление, – отмахиваюсь. – Я хотела дать распоряжение администраторам, чтобы предлагали дополнительные услуги сопровождающим прямо при заселении, да замоталась и напрочь забыла.

– Может, какую рекламу запустить?

– Обязательно. Напечатаем завлекательные рекламные листовки и разложим в номерах. Я поговорю с маркетолога-

ми. – Кошусь на часы, после двух у Юры очень плотный график, поэтому я тороплюсь поскорее свернуть нашу планерку. У меня тоже по горло дел. Переговоры с дистрибьюторами и эсэмэмщиками. А еще один очень важный звонок – в германскую клинику, где до недавнего времени лечился наш пациент.

Мой календарь расписан поминутно. Чтобы пройти курс реабилитации лично у меня, люди выстраиваются в очередь вперед на долгие годы. Я красива, успешна и богата. Для других я – эталон состоявшейся женщины. Мне бы жить да радоваться. Но вот ведь черт... Я не в силах забыть, как оказалась здесь. И чего мне это стоило. Глядя на себя в зеркало, я вижу убогую девочку, как призрак бродящую по этим горам вслед за полубезумным дедом.

Растираю виски. Мне не следовало теребить прошлое, но что уж теперь? Иду в небольшую примыкающую к кабинету уборную. Набираю полные пригоршни студеной ледниковой воды. Перед глазами серыми смазанными сполохами...

– Сана! Ты слышала, что я сказала?

Нет. У меня дико болит живот. Болит так, что в глазах темнеет. Как начал еще с вечера, так и не отпускает.

– Твой дедушка погиб. В ущелье был камнепад, ты в курсе? К сожалению, его задавило. Сана... Да что же это такое? – представительница соцслужбы, приехавшая из поселка, обводит взглядом собравшихся местных. – Она как вообще, говорить умеет?

– Умеет. Девочка, конечно, с чудинкой, но не немая.

– Может, у нее шок?

Тетка сжимает пальцы на моем запястье. У нее длинные хищные, как у ястреба, когти с облупившимся на концах ярко-алым лаком. На большом пальце – нагноившаяся заусеница.

– Поскольку у тебя нет других родственников, мы вынуждены оформить тебя в детский дом. Всего на год, пока тебе не стукнет восемнадцать. Ты знаешь, что такое детский дом? Там о тебе позаботится государство.

Живот скручивает новой порцией боли. Я что-то бессвязно мычу.

– Вы уверены, что она умеет говорить? Её кто-нибудь слышал? Не знаю, можно ли ее к нормальным детям пускать... – нервничает женщина, одной рукой все так же сжимая мое запястье, а другой – тонкую папочку-скоросшиватель.

– Я слышал. Она иногда заходит в мой магазин купить чего по мелочи. Спички там... Или всякое разное.

– Ладно. В любом случае, я не могу ее здесь оставить... Пойдем! – женщина дергает меня сильнее. Так, что кость в плечевом суставе щелкает. Я послушно иду за ней, но уже через пару шагов мир перед глазами меркнет.

Как выясняется уже после, у меня обычный, не самый сложный перитонит, который чуть было не стоил мне жизни. Ни в какой детский дом тогда мы, конечно, не едем. Меня отправляют сначала в больницу, а потом – прямиком на опера-

ционный стол. С того света меня вытаскивает пьяный, прошедший не одну горячую точку хирург. Таких спецов в провинции днем с огнем не сыщешь. Но мне везет. Из столичной клиники Федора Измайловича, героя нескольких войн, выгоняют с волчьим билетом. За пьянство.

Мое сердце на операционном столе останавливается дважды. И хотя я прекрасно осознаю, что происходит, страха нет вообще. В момент, когда моя душа отделяется от тела, я чувствую благодать, знакомую лишь тем, кому довелось побывать за чертой при жизни. И да, я в курсе, что моя психика... нестабильна. Но я точно знаю, что происходящее со мной в те растянувшиеся на миллиарды лет секунды – вовсе не игра больного воображения.

И что тот мальчик мне не привиделся.

Я набираю еще воды. Плещу в лицо и выхожу прочь из уборной.

За окном удивительно ясно. Солнечный свет заливает стену слева от широкого окна и по мере того, как день движется к своему завершению, стекает на отполированный пол. Рисует причудливые узоры на ковре, а ближе к вечеру ускользает сквозь приоткрытую оконную створку.

Касаюсь поверх одежды практически стертого временем шрама.

– Сана Шакаевна, к вам тут пришли.

– Кто?

– Какой-то мужчина. Говорит, что новый начальник охра-

ны заповедника. Может, записать его на прием?

– Нет-нет. Все нормально. Пусть заходит... – бросаю взгляд на часы. Время позднее. И если честно, я уже не ждала, что Иса заглянет. Да и ни к чему это. Тогда какого черта меня так взволновало? Нам ничего не светит. И я прекрасно это понимаю. Понимаю до тошноты, до скручивающих желудок рвотных спазмов.

– Привет. Можно?

– Привет. Чем могу помочь?

Я стараюсь на него не смотреть. Потому что он очень странно на меня действует.

– Хм... Ты предлагала сделать мне перевязку.

– Да. Точно.

– К тому же, мне нужно забрать машину. Я без нее как без рук.

– Действительно. Что ж, ты очень вовремя, я как раз собиралась домой.

Расстегиваю медицинский халат. Но поймав его взгляд, замираю и как преступница отдергиваю руки. Мое тело обмякает, будто из него рывком выдернули позвоночник. Я опираюсь на край стола ладонями. Он подходит ближе. Кажется, что мир вокруг нас пустеет и сжимается до крохотной пульсирующей точки. Мы стоим в хрупкой скорлупе комнаты, боясь пошевелиться.

– Ты понимаешь, что с нами происходит? – интересуется Иса, растерянно зарываясь пальцами в волосы.

Вообще-то нет. Я понятия не имею. Зато я наверняка знаю, что ни к чему хорошему это не приведет.

Трясу головой в попытке избавиться от наваждения. С грохотом закрываю шкаф. И резко меняю тему, напоминая и ему, и себе о главном.

– Говорят, Акай провел для тебя экскурсию.

– Да. Было дело.

– Такой чести удостоиваются немногие. Похоже, ты ему понравился, – сметаю в сумочку ключи и, подперев бедром стол, начинаю просматривать документы, над которыми хотела поработать дома. Засовываю их в папку. Решительно шагаю к двери.

– Это плохо или хорошо?

Медлю, зажав в ладони дверную ручку. Плохо это или хорошо? Из глубины горла рвется горький смех.

– Для кого как, – отвечаю я довольно размыто.

Мы спускаемся на первый этаж. Проходим мимо ресепшена.

– А для тебя?

– Что?

– Спрашиваю, а для тебя?

– Тебе не кажется, что мои отношения с Акаем вообще не твоего ума дело?

– Думаешь, я ему разонравлюсь, когда он узнает, что я к тебе пристаю? – он холодно улыбается. А я... я снова замираю. Так и не сев в машину. Откидываю голову и смеюсь.

Громко. От чистого сердца. Посмеиваясь, устраиваюсь на сиденье. Прилежно пристегиваю ремень. Под его пристальным немигающим взглядом, в котором мне чудится что-то до боли знакомое.

– Я сказал что-то смешное?

– Очень!

– Не хочешь пояснить?

Почему бы и нет? Уж лучше сразу расставить точки по местам. Потом меньше проблем будет.

– Он тебя уничтожит, Иса. За один только взгляд в мою сторону.

– И тебя устраивает такая жизнь?

О, нет. Меня просто никто об этом не спрашивает. Выбор мне предоставили лишь однажды. И я его сделала. Все, что происходит в моей жизни теперь – последствия того не вполне осознанного решения. Ведь что я, испуганная до ужаса, сломленная так, что и не починить, могла в тот момент понимать? Ничего. Я не понимала, что меня ждет на самом деле. Я была глупой забитой девочкой, утратившей всякий контроль над своей жизнью.

– Конечно, – демонстративно обвожу взглядом свои владения. – Более чем.

Иса замолкает. И дальше мы едем молча. Он думает о чем-то своем, может, о том, что все бабы – корыстные бляди, и сверлит меня тяжелым пробирающим до костей взглядом. Вероятно, он меня ненавидит. Я много раз с таким сталки-

валась. В конце концов, Иса не первый мужик, который на меня запал. Все, что за этим последует, я проходила миллион раз. Любому самцу гораздо легче переживать отказ, когда он уверен, что дело не в нем, а в сучьей бабьей натуре.

Пусть... Мне до этого дела нет. Обычно нет. Да. Только рядом с ним почему-то не по себе как-то.

Паркуюсь в стороне от дома. Провожу ритуал с открыванием замков и отключением сигнализации. Прохожу в дом и застываю соляным столбом, когда он осторожно обнимает меня за плечи.

– Ч-что ты делаешь?

– Провожу один научный эксперимент.

Он прижимается губами к сладкому местечку в основании шеи. Меня охватывает странное чувство беспомощности. Я хочу это все прекратить. И одновременно с этим я очень хочу продолжить. Зайти за черту хоть чуть-чуть. Из чувства протеста или, может, по какой-то другой причине... Я поворачиваюсь в полупрофиль. Наши губы замирают в каких-то миллиметрах. И соприкасаются. В отличие от Акая, Иса ненамного выше меня. Мы идеально с ним совпадаем. В мучительном мареве острого, скручивающего нутро желания мелькает удивительная мысль, что он словно вылеплен для меня по спецзаказу в небесной мастерской.

Иса отрывается от моих губ и, задев мочку зубами, шепчет:

– Врунья!

– Что?

– Говорю, врешь ты все. Если бы тебя все устраивало, ты бы не реагировала на меня так.

Он прав. Он, черт возьми, прав!

– Уходи. Бери машину и проваливай!

Глава 5

Иса

Я прихожу в себя резко. В комнате, где бы я ни был, темно. Темно так, что хоть глаз выколи. И мне вдруг начинает казаться, что именно это со мной и случилось. А что? От Бульдозера и его шайки можно ожидать чего угодно. Мои глаза не дают им покоя вот уже сколько лет. Так что такой исход, наверное, даже логичен. Тяну к лицу обмякшие руки. Но их движение пресекают ремни, которыми я пристегнут к койке. Паника окатывает с ног до головы. Это действительно страшно – знать, что ты полностью ограничен в движении. Я начинаю биться в страшной агонии. Я сиплю...

И в этот момент ко мне впервые приходит она.

– Т-ш-ш-ш. Тебе лучше не делать резких движений!

– Ты кто? Где я?

Свой голос я узнаю с трудом. Во рту пересохло. Язык еле ворочается, и кажется, будто каждое слово царапает глотку до крови. Я ощущаю ее металлический вкус во рту, отчего меня не на шутку мутит. Захлебнуться собственной блевотиной в таком положении проще простого. Осознание этого факта подхлестывает мою панику до новых запредельных

высот.

– Ты в больнице. А я – твоя соседка.

В тишине, нарушаемой лишь монотонным гулом, природа которого мне непонятна, да моим шумным дыханием, скрипят пружины. Я различаю шорох ткани, звук чужих нетвердых шагов. Поворачиваю голову на звук и понимаю, что темнота все же не абсолютна. Ее совсем немного разбавляет свет молодого месяца, проникающий в узкое окно. Значит, я все-таки не ослеп. Значит, все же кто-то проснулся и поднял шум до того, как случилось непоправимое. Странно, но я не вполне уверен, что рад этому факту. Даже в таком паршивом состоянии я вполне отчетливо осознаю, что теперь начнется. Врачи непременно доложат о произошедшем ментам. А те, уж конечно, не упустят возможности вытрясти душу из Бульдозера и его шайки. Да и руководству детдома достанется – тут без вариантов. А значит, моя и без того дерьмовая жизнь там превратится в крошечный ад. Вполне вероятно, я еще не раз пожалею о том, что не сдох сегодня.

Моего разгоряченного лба касаются прохладные пальцы. Я жмурюсь от удовольствия. Ловлю себя на мысли, что никто и никогда до этого не касался меня так ласково. Чужие прикосновения в лучшем случае обезличены – например, ежегодные осмотры врача, а в худшем – они не несут ничего, кроме боли. Но тут... Тут ведь совсем другое дело. Я смагиваю неожиданно выступившие на глазах слезы и как кот тычусь башкой ей в руку.

А она тихо смеется.

Сдвигает ладонь и осторожно ведет пальцами по колючему ежику, покрывающему мою черепушку. Уебищная прическа. Но в детдоме это никого не волнует.

Хорошо... Как же хорошо – последняя мысль, которая мелькает в моей голове, прежде чем я отключаюсь. В тот момент у меня не возникает вопроса, какие повреждения я получил. Глаза, жопа целы – и ладно.

О том, чего меня лишили, я узнаю чуть позже.

Дерьмо! Встаю с кровати и подхожу к окну. Похоже, бессонница мне на сегодня обеспечена. Ну, а чего я хотел, позволяя воспоминаниям вырваться из-под контроля? Тру плечо, которое перевязал сам. То, конечно, болит, но это дело привычное.

Из окна моей скромной избушки открывается довольно-таки интересный вид. Прямо на дом Саны. Впрочем, когда электричество отключено, его контуры практически полностью сливаются с окружающими пейзажами. Вот только сейчас свет горит. Ей-то чего не спится?

Отхожу от окна. Нашариваю в темноте ноутбук и гуглю название санатория. У него свой вполне приличный сайт, отвечающий всем современным стандартам. С кучей фото. В том числе и рекламных. На некоторых из них – она. Сана... Вот – в белом медицинском халате у какого-то хитроумного прибора. Вот, в дорогом костюме, за столом в том кабинете, где мне удалось побывать. На встрече с губернатором,

на каких-то международных медицинских конгрессах...

Захлопываю крышку и снова вскакиваю с постели.

– Думаешь, я ему разонравлюсь, когда он узнает, что я к тебе пристаю? – всплывает в памяти вопрос, который я ей с какого-то перепуга задал. А следом, эхом, её звонкий смех.

Черт... А ведь в ее глазах я наверняка выгляжу клоуном. Это мне известно, кто я есть на самом деле и чего стою. А ей... Откуда? Для Саны я самый обычный трудяга. С зарплатой – хорошо, если в полторы штуки баксов. Смешно? Еще как. Что я могу предложить такой женщине, кроме секса? Правильный ответ – ни-че-го. Вот она и потешается надо мной, убогим. Кстати, довольно сдержанно. Щадя мои чувства. В конце концов, она не высмеяла меня в открытую, как, наверное, было бы даже правильно, учитывая то, как дерзко я себя вел.

Трясу головой. Черте что. Каким хреном я вообще думал? Зачем подставлялся? Расскажи она Темекаю о том, что произошло, и...

– Он тебя уничтожит, Иса. За один только взгляд в мою сторону.

Вот именно. В чем в чем, а в этом сомневаться вообще не приходится. И что тогда? Завалю порученную операцию, даже её не начав? Я ведь своими глазами видел, как он на нее смотрит. Так спятившие коллекционеры глядят на самые редкие, самые вожделенные и недоступные предметы искусства.

С другой стороны, я почему-то уверен, что ничего она ему не расскажет. Я готов поклясться, что с первой минуты нашей с ней встречи нас с ней обуревают схожие чувства. Уже что-то, а невербальные сигналы я считываю, как хорошо настроенная на её частоту радиостанция. Уверен, если бы я продолжил, если бы я стащил с нее модные летние брючки и пробрался под трусики пальцами, там бы было горячо и мокро.

Твою мать! Касаюсь лбом довольно грязного, но, к счастью, прохладного стекла. Вот о чем мне по-хорошему вообще не стоит думать. Но как тут остановиться?

Она хочет меня. Сто процентов, хочет. Неужто старый хрен не справляется?

Нет. Нет! Об этом лучше не думать. Не представлять ее, тонкую, в его медвежьих лапах. Но перед глазами один черт заевшей киноплёнкой – как он на нее взбирается. Тяжелый и нетерпеливый, охочий до ее молодого тела. Как гнет его под себя и заламывает.

Я грязно матерюсь в тишине. И возвращаюсь в кровать.

Благо в последующие дни у меня такой плотный график, что становится как-то не до душевных метаний. Больничный я не беру, опасаясь со старта нарваться на насмешки коллег. Те, по понятным причинам, мой приезд воспринимают в штыки. Наверняка на мою должность метил кто-то из местных. Оно и понятно, редко когда к такой работе привлекают людей со стороны. Обычно предпочитают своих. Из тех, кто

хорошо знаком с местностью и прочей спецификой.

Я прекрасно осознаю, что мне придется здорово попотеть, чтобы завоевать какое-никакое расположение. Поэтому с самого первого дня включаюсь в работу с мужиками на равных. Может, поэтому плечо заживает не так быстро, как это происходит обычно. По-хорошему, мне следует обеспечить себе покой. Но где там? Мы то один кордон объезжаем, то другой... Развозим запасы, прокладываем тропы, обеспечиваем безопасность туристических групп, которые потянулись в край с начала сезона. Ну, и браконьеров, само собой, ищем. Правда, за неделю, что прошла, серьезных происшествий не было. Так, оформили пару протоколов на незадачливых рыбаков.

Работаю пока без выходных. Хотя никто этого от меня не ждет. По большей части отмалчиваюсь. Говорю сугубо по делу. А вот к подчиненным прислушиваюсь. Впрочем, мужики у меня не из болтливых. А может, осторожничают, не зная, чего от меня ждать. Я бы на их месте вел себя точно так же.

– Ну, что, Степан, какой у нас план на сегодня?

– Доширак согласился сосватать своего козла нашим в Малиновку. Надо доставить, пока не передумал. С него станется.

Моргаю. Все, что произносит Николай – для меня звучит как абракадабра, хотя за неделю я вроде уже привык к их своеобразной речи. В любом случае, уточнять сказанное я не спешу, справедливо рассудив, что ситуация прояснится

по ходу.

И она проясняется. Открыв рот, смотрю на коричневого в пятнах козла, стоящего посреди принадлежащей заповеднику лодки.

– Это что еще за на хрен? – щурюсь я, уже было решив, что надо мной издеваются.

– Это мой Гоша. Отдаю горемычного вам на расплод.

Перевожу взгляд на древнего сморщенного, как запеченное яблоко, мужичка. То ли дочерна загоревшего, то ли до такой степени грязного.

– Мне?

– Ну, а кому? Ты ж начальник, я так понимаю? С тебя и спрос. Вы уж его доставьте с комфортом. Не ближний-то путь. А потом еще и козочки из него все соки выпьют... Ой, может, и зря его так задешево... Всего-то за пузырь.

Нет. Похоже, самому мне с происходящим не разобраться.

– Степаныч, – оборачиваюсь к дежурящему со мной в паре патрульному, – ты мне можешь русским языком объяснить, какого черта происходит?

– А что тут непонятного? Наши бабы из поселка договорились с Дошираком, что тот им Яшку отдаст. Покрыть тамошних козочек. Зимой – то туда не добраться. Вот и живут они натуральным хозяйством. Животину разводят, пчел... А Яшка – козел отличный.

– Мать – стопроцентная чешская пятилитовка! – вставля-

ет свои пять копеек Доширак, как будто мне о чем-то говорит эта информация. – Да и отец с отличной молочной линией!

– Так нам его нужно в поселок доставить? – как дурак уточняю я. Нет, конечно, я понимаю, что на дальних хуторах живут сотрудники заповедника. И, наверное, это действительно входит в наши обязанности. Попробуй, разберись, как и что тут у них заведено.

– Ага. По речке быстрее всего. В прошлый раз мы быка по воздуху на вертолете доставляли. Так у того от стресса, видать, ничего не вышло.

Смешно. Но делать нечего. Осторожно забираюсь в лодку. Гоша угрожающе косится на меня из-под лба. И я начинаю переживать насчет его намерений. Ловлю себя на том, что широко улыбаюсь. Ну, какая же идиотская ситуация. И это – моя жизнь теперь. Тени, если узнают, будут ржать надо мной до конца жизни. Ну, ведь какая байка! «Как я Гошу на случку возил»...

Степаныч заводит мотор. Козел начинает метаться. Я придерживаю его за цепь, чтобы тот к чертям не перевернул нашу лодку. Денек погожий. И если эта тварь, наконец, успокоится, можно здорово кайфануть от незапланированной прогулки по озеру.

– Слушай, Степаныч, все понятно. Но почему Доширак?

– А ему если налить, он через три минуты уже готов будет, – смеется мужик в усы. И я смеюсь тоже. Ну, ведь и прав-

да – смешно. Едем долго. По берегам – такая красота, что дух захватывает. Я то по сторонам смотрю, то жмурюсь, подставляя лицо ласковому весеннему солнцу и хрустальным звонким брызгам воды. Не знаю, как козел, а я почти что счастлив. Хотя это козлу, а не мне, в поселке неплохо обломится.

– Гляди! – Степаныч тычет грязным, в машинном масле, пальцем в небо. Красную точку вертушки на фоне белых ледников в верховье я замечаю сразу.

– Что он здесь забыл?

Степаныч пожимает плечами. И в этот самый момент наш диалог бесцеремонным образом прерывает Гоша.

– Твою мать, – шиплю я, убирая ногу подальше от горячей струи, с запозданием понимая, на кой ляд дно лодки застелили клеенкой. Вот такой, мать его, обоссанный, я и появляюсь в поселке. Еще из лодки я замечаю Робинсон Темекая, брошенный на пустыре в стороне.

– Может, заболел кто? У Алевтины давление. Акай иной раз привозит к ней докторицу...

«Ишь ты, какой заботливый. Ну, просто благодетель, мать его!» – это первая мысль. А вторая – «Неужели она тоже здесь?». Сердце предательски бахает в желудок. Прямо к двум наспех съеденным, запитым кофейной бурдой бутербродам.

Вытаскиваем лодку на берег. Гошка жметя к борту, будто и не козел. Приходится брать его на руки и вытаскивать вот так, как красну барышню. Спускаю козла на землю и на-

тыкаюсь на её смеющийся взгляд. Еще секунду спустя замечаю и Акая. Тот стоит у Саны за спиной, покровительственно касаясь ее плеча своей лапой.

– Вот уж кого не думал сегодня увидеть! – его зычный голос эхом разносится по горам.

– А я уж тем более, – пожимаю протянутую руку. – Надеюсь, этот полет согласован с администрацией заповедника?

Глаза Саны потрясенно расширяются. А вот Акай, напротив, сощуривается.

– А если нет? Ты меня, что, оштрафуешь?

– Ну, ты, это, начальник, не дури, – толкает меня в бок Степаныч. И мне, наверное, нужно к нему прислушаться, но...

– Закон для всех один, Акай.

Глава 6

Сана

Ой, дура-а-ак! Ой, дура-а-ак! Мамочки...

Не знаю, чего мне больше хочется. Встряхнуть Ису, чтобы его холеные удивительно белые зубы клацнули, или закрыть его своей спиной от гнева Акая. Меня он тронуть не посмеет, а вот из этого убогого ведь душу вытрясет, как пить дать.

– Закон для всех один, Акай.

Что он хочет доказать? Кому? Господи...

Хватка на моем плече крепнет. От страха на лбу проступает липкий холодный пот. Я с трудом гашу в себе желание упасть перед Акаем на колени и умолять не трогать этого дурачка. Пусть живет, ведь правда? Сердце заполошно стучит в груди, и этот звук отдает в уши протяжным гулом. В котором тонет раскатистый смех Акая...

Я оборачиваюсь. А тот – ну просто заходится. Я, пожалуй, еще никогда не видела его таким веселым. Медвежья грудь ходит ходуном, по загоревшим, выдубленным солнцем и ветром щекам текут обильные слезы. Жилы на толстой, как дерево, шее выступили и вибрируют... И это так заразительно, что не будь я до такой степени напряжена, непременно бы к

нему присоединилась.

На глазах всех собравшихся медведь извергает из чрева, казалось бы, уже проглоченную добычу. Дыши, мол, парень, живи. Черт с тобой. Дурило.

– Ну, чертяка! – восхищенно сверкает глазами Акай. – Ты только посмотри на него! Давай, – машет рукой. – Доставай свои писульки.

– Да вы что, Акай Аматыч! Шутит он. Человек новый, что да как у нас заведено, не знает, – суетится Степаныч, а его глаза, глаза взрослого битого жизнью мужчины, бегают, как у провинившегося ребенка. Конечно, я могу понять его волнение. Но не могу его принять. Я его почти ненавижу. Их всех ненавижу. За то, что никто... никто из них не нашел в себе силы хоть раз выступить против Акая.

До Исы.

Может, он и дурак. Но смелый. Слабоумие и отвага – это про него, да. Вряд ли он действительно не понимает, что за фрукт Акай. И тем не менее... Вон, что вытворяет.

Я медленно выдыхаю. Воздух с шипением просачивается сквозь стиснутые зубы. И, наверное, хорошо, что этот звук тонет в одобрительном кряхтенье Акая. Мало ли, как он расценил бы мой вздох?

– Нет-нет! Твой новый шеф, Степаныч, дело говорит. Ну, что ты смотришь? Составляй протокол! Нарушил – значит, нарушил. Я ж не отказываюсь, правда, девочка?

– Конечно, – усмехаюсь я, непонятно где отыскав в себе

силы на это.

– Паспорт при тебе? Нужно данные переписать, – парирует Иса довольно холодно.

Он что, серьезно? Закусив щеку, наблюдаю, как Темекай тянется к внутреннему карману, выуживает документ и, сияя, как начищенный медный чайник, протягивает тот Исе.

– Обижаешь, начальник! Как же без документа?

Протокол на Акая Иса составляет прямо за древним наспех сколоченным столом, под высокой, спускающейся корнями прямо к воде лиственницей. Меня охватывает озноб. Запоздалая реакция на стресс – не иначе. Отхожу к хлипкому крыльцу. Незаметно натягиваю рукава свитера на ладони. Так не видно, как сильно дрожат мои пальцы.

– Смелой парень! – раздается скрипучий старческий голос за спиной.

– Ага! Смелой... Тьфу! – сплевывает наземь Степаныч и, качая лохматой седой головой, отходит к лодке.

Я оборачиваюсь.

– Алевтина Кирилловна, я же вам русским языком сказала – с кровати не вставать!

– Так я ж и не вставала, пока было плохо.

– А теперь что? Хорошо? – хмурюсь. Ну, ведь никакого сладу нет со здешним людям. Я иногда вообще не понимаю, зачем к ним приезжаю. Предписания врача они игнорируют полностью. Назначенные таблетки не пьют. Диспансеризацию по возрасту не проходят. Сколько я быюсь? Сколько

убеждаю? Все без толку.

– А то как, девочка? Ручки-то у тебя, ручки... волшебные! Лучше всяких лекарств.

Прячу лицо в ладонях. Надавливаю на глазницы. Наверное, мне никогда их не разубедить. Здешние старожилы вбили себе в голову, что мне передалась сила деда, и хоть что хочешь делай! А ведь я так же далека от всяких оккультных практик, как местные аборигены – от достижений современной медицины. Не представляю, что еще мне нужно сделать, чтобы они это поняли.

К тому, чему меня учил дед, я прибегла лишь один раз в жизни. Когда у мальчика с соседней койки начался сепсис. И даже столичный протрезвевший к тому моменту хирург сказал, что у него почти не осталось шансов.

Не то чтобы я планировала вмешаться и тогда. Скорее, у меня просто не было выбора. Потому что безумие не выбирает, когда ему с тобой случиться. Правда, с тех пор я, кажется, взяла над ним верх...

Перевожу взгляд на Ису. Ручка с синим колпачком в его загорелых дочерна пальцах ходит по бумаге туда-сюда и словно гипнотизирует. Картинка у меня перед глазами тонет в молочном тумане. И будто на машине времени я возвращаюсь в прошлое.

– Чертовы ленивые мудаки!

– Что такое, Федор Измайлович?

– А ничего! Ничего... Перевал, видите ли, замело. Сана-

виации не добраться. А то, что мы пацана за это время потеряем, никого не волнует!

Доктор и медсестра удаляются. А я тайком, стараясь не шуметь, выбираюсь из койки и шлепаю босыми ногами к лежанке мальчишки. На его смуглом теле белеет сразу несколько повязок. Одна твердая, на руке – это гипс. Вторая марлевая – прикрывает пах. Как во сне, я протягиваю руку и замираю в нескольких миллиметрах. От тела мальчика волнами исходит жар. Я зажмуриваюсь, вбирая его в себя. Воздух вокруг потрескивает, как хворост в костре, и шуршит... шуршит... А потом к этим звукам присоединяется чей-то голос. Далеко не сразу я понимаю, что эти странные гортанные звуки срываются с моих губ. Оседаю на койку в его ногах. Тело начинает раскачиваться. Туда-сюда. Как маятник.

Просветленные называют это состояние шаманским экстазом.

Люди в белых халатах – начальной стадией шизофрении. Но в тот момент мне не до терминологии. Кажется, я вообще себе не принадлежу. Просто, повинаясь каким-то непонятым древним инстинктам, делаю то, что долгие годы до этого делали мои предки. И слабею... Слабею... Голос становится тише и все чаще обрывается вовсе. Мальчик вертит головой по сторонам. Белки его глаз под полупрозрачными голубыми веками хаотично бегают. Я больше не могу продолжать, но чувствую, что не имею права бросить. Подтягиваюсь к нему и, едва шевеля губами, нашептываю на ухо. Я

должна продолжать. Пока он не выздоровеет или... пока не умрет.

Картинка снова меняется. Я в каком-то ужасном отвратительно пахнущем месте. Напротив меня снова врач. Но не тот, что меня оперировал.

– Сана, правильно? Ты, главное, не волнуйся. Мы же тебя не обидеть хотим, ну, право. Просто расскажи, что ты делала?

Мы беседуем с ним уже битый час. Я ужасно замерзла и устала. Чтобы это все поскорей прекратить, решаю рассказать все, как есть:

– Я разговаривала с духами...

– А что они тебе говорили?

– Не знаю. Всякое... Извините, очень хочется спать. Можно мне отдохнуть?

– Конечно-конечно... Олег Палыч, проводи нашу новую пациентку.

– Куда будем оформлять?

Толстяк за столом задумчиво стучит по столу пальцами.

– Пока в отделение реабилитации. Она же после операции.

Отделение реабилитации – самое свободное, если в психоневрологическом диспансере в принципе можно говорить о каких-то свободах. Так что мне даже везет. Только я об этом не знаю. Я вообще поначалу не понимаю, куда меня привезли. И за что.

Мальчик-то жив. И я не сделала ничего плохого.

Взрыв хохота за столом выдергивает меня из трясины воспоминаний. Теперь Акай смеется на пару с Исой. Час от часу не легче. Им смешно, а у меня до сих пор от страха затылок сводит. Наверное, я никогда не пойму этих мужиков.

– Все же я рекомендую вам принимать таблетки. И побольше отдыхать, – отвлекаясь я на Кирилловну.

– Отдохнешь тут! Гошку-то нам всего на неделю привезли. А у меня кроме него еще полным-полно работы, – бормочет Алевтина, смешно поигрывая зубным протезом. – Сейчас! Я тебе зеленушки нарву. Уже проклюнулась. Что-то я сразу не сообразила...

– Не нужно! Вам сейчас лучше не наклоняться... – бормочу я вслед усакавшей в огород старухе. Да только толку от моих просьб? Слух у Кирилловны такой же избирательный, как и подход к лечению.

– Вот, Сана! Возьми. На салат... Свежее.

– Спасибо, – вздыхаю я.

Не взять – обидится. Наверное, в деревнях еще не скоро отвыкнут от привычки таскать доктору взятки.

– На здоровье. И это... Ты, девочка, от своего дара зря отрешиваешься. Все знают – это не к добру.

Теперь мой черед притворяться глухой. Возвращаюсь к Акаю с зажатым в руке пучком зелени. Тот выглядит страшно довольным. Растягивает губы в широкой улыбке. Трясет у меня перед носом бумажкой не первой свежести.

– Вот! Даже в рамку поставлю. Мой первый протокол!

Он действительно в восторге от дерзкой выходки Исы. Может, ему надоело, что все в округе только и делают, что заглядывают ему в рот? Не знаю... Где-то вдалеке протяжно и плаксиво кричит беркут. Я задираю голову, чтобы его разглядеть, спотыкаюсь о выступающий корень сосны и чуть было не падаю. В последний момент мое падение останавливает Иса. Задница касается его паха, где все достаточно бодро так выступает. Длится это какие-то секунды. Совершенно недостаточно. Меня обдаёт обжигающей волной. Я ещё сильнее подаюсь к нему, хотя в этом нет абсолютно никакой необходимости. На ногах я стою уже достаточно прочно. Но Акай-то об этом не знает! И я просто не могу отказать себе в маленькой шалости. Лицо обдаёт ветром. Одурающе пахнет весной. В этом запахе только-только распустившихся листьев, смолистом аромате набухших шишек и сладком благоухании маральника мне веет свободой...

Вон, что я вытворяю. Прямо на глазах у Акая. От собственной дерзости кружится голова.

– Осторожно. Убьешься ведь.

Иса смотрит на меня сквозь упавшие на лоб черные пряди. У него достаточно модная стрижка – с удивлением отмечаю я. Совершенно не типичная для местных. А еще лепные скулы, четко очерченные красивой формы губы и колючие глаза. Он понимает, что и зачем я делаю. И не одобряет этого. Возможно, мне стоило бы застыдиться, но вместо этого я думаю о том, что такие люди, как Иса, наверняка очень кра-

сиво стареют. И что их красоту совершенно не портит даже дерьмового качества камуфляж.

— А на меня? Протокол тоже составили? — я отвожу взгляд. Акай подходит ближе. Кладет мне на плечо руку. В таком до боли знакомом, опостылевшем до смерти жесте.

— Зачем же на тебя протокол, девочка? Это я нарушитель. Правда, начальник?

— Угу.

Иса собирает в обшарпанную папку свои бумажки и на нас больше не смотрит.

— Вот и ладненько. Разобрались. Значит, мы можем быть свободны? — продолжает дурачиться Акай.

— Конечно. А в следующий раз все же, мой вам совет, получите разрешение на полет над заповедником.

— Да уж. Рецидивистом становиться не хочется.

Акай смеется, сосредоточив на мне все свое внимание, и упускает момент, когда на скульптурных скулах Исы проступают желваки. Понимаю, что нам нужно уходить, пока ситуация еще больше не усложнилась.

— Пойдем, Акай. У меня сегодня полно работы.

Накрываю своей рукой его огромную лапищу. Знаю, как ему нравится, когда я сама по доброй воле его касаюсь. Его веки в тот же миг тяжелеют. На дне монгольских глаз загораются язычки пламени. Мне удалось переключить его внимание, да. Цена вопроса? Как всегда, я. Мое тело... Ну, что ж. Мне ли привыкать?

Идем к вертолету. Стандартную проверку систем Акай проводил перед вылетом, поэтому в этот раз обходимся без всяких проверок вовсе. Нашему взлету предшествуют лишь короткие переговоры с диспетчером.

– Что скажешь о мальчике? – спрашивает Акай, когда мы набираем достаточную высоту. Я напрягаюсь. Неужели что-то заметил? Пульс частит, сбивается с ритма.

– Смелый. Или глупый, – движением, отработанным годами притворства, равнодушно веду плечами.

– Но хорош ведь, чертяка! Хорош... – восхищенно причмокивает губами Акай. – Яйца у него стальные. А что главное у мужика? Правильно... Они самые.

Одной рукой удерживая ручку управления, другой он нащупывает мою ладонь и укладывает себе между ног. Я знаю, чего он хочет. Мне не нужно дважды повторять. Я тяну вниз язычок молнии и, отгородившись от происходящего за шторками век, с силой прохожусь по его толстому увитому змеями вен члену.

– Хорошо, девочка... Моя девочка. Хорошо.

Глава 7

Иса

– Федор Измайлович! Федор Измайлович! Скорее сюда! Наш детдомовский спятил!

Дородная санитарка сжимает меня в душных потных объятиях. Она очень сильная, и мне, слабому, как котенок, бороться с ней, наверное, себе дороже. Но я не могу успокоиться. Не могу... Стираю кулаком сопли и сиплю:

– Отпусти меня, толстая корова! Пошла ты!

Не хочу, чтобы кто-нибудь видел, как я плачу. Но не могу избавиться ни от чужого навязанного мне общества, ни от льющихся из глаз слез.

– Что здесь происходит?! – в обшарпанный сортир заглядывает высокий кряжистый мужик. Кажется, я его несколько раз видел, когда приходил в себя. Ожидал увидеть её, ту, что мне тихо напевала и по волосам гладила, а видел его. Да...

– Мальчонка себя разглядел! И решил, что, ну... Того самого. Ай, ирод! Куды ж ты меня пинаешь?

– А ну замри! – рывкает Федор Измайлович. – Я над тобой знаешь, сколько трудился? Хочешь, чтобы швы разошлись? Да я тебя своими руками придушу, если ты мне работу по-

херишь. Тоже мне... Нашел трагедию!

Не знаю, почему, но его злые слова заставляют меня затихнуть. Чувствую, как в моей душе разрастается трещина, через которую утекают скудные остатки воли и сил. Санитарка осторожно разжимает руки. Я отступаю к выкрашенной уродливой зеленой краской стене и тяжело на неё заваливаюсь. В голове кружится. Я закрываю глаза в надежде, что станет полегче, но меня лишь сильней ведет.

– Пойдем. Поговорим по-мужски.

По-мужски? Он издевается? С губ срывается странный вибрирующий рык.

– Какой я теперь мужчина?

Федор Измайлович тяжело вздыхает.

– Катерин, ты это... Оставь нас, ага?

Просьбу начальства Катерина исполняет с радостью. Видать, здорово я ее допек. Она бочком протискивается в узкие двери, когда мои ноги подкашиваются. Федор Измайлович тихо матерится и, уже особо со мной не церемонясь, оттаскивает в палату.

– Ну, и что ты себе надумал? – интересуется он, когда я вытягиваюсь на койке. Взгляд сам собой останавливается на соседней. Пустой. Заправленной синим в цветах покрывалом.

– А что – есть варианты? Может, вы еще скажете, что я теперь не импотент?

– Мужики! Нас только одно волнует, правда? – почему-то

этот козел смеется, будто я и впрямь сказал что-то смешное. – Да ты не бойся, малой. С твоим оборудованием все в порядке. Ну, лишился ты одного яичка, так ведь второе осталось. Пришлось, конечно, над ним поколдовать. Здорово тебя отмутузили. Били-то чем? – спрашивает, вмиг посерьезнев.

– Ногами, – сиплю я, не видя особого смысла скрывать правду от доктора.

– А воспитатели куда смотрели?

Что на это сказать? Не знаю. Веду плечом, а у самого-то об одном только мысли:

– Вы мне правду говорите? Или утешаете?

– Да что ж я тебе – мамка, сопلي вытирать? Говорю, будешь огурцом. Дай только швам затянуться. Твой случай тяжелый, но бывало у меня и похуже.

– Это где ж? – шмыгаю носом.

– На войне. Там, если на mine подорваться... В общем, и без причиндалов вовсе можно было остаться. Один раз по лоскутам собирал. И ничего, видел потом этого балбеса. Женился даже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.